

Евгений Беляков
В лабиринтах памяти

Студент - это состояние души!

Евгений Александрович Беляков
В лабиринтах памяти.
Студент – это состояние души!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22168299
ISBN 9785448350757*

Аннотация

Студенческая жизнь – веселая, разбитная и бесшабашная? А ведь школу эту прошли десятки миллионов человек... Автобиографическая повесть «В лабиринтах памяти» предоставляет прекрасную возможность вместе с героями книги совершить путешествие в прошлое, вспомнить собственные годы в альма-матер, предаться сладостным ностальгическим воспоминаниям.

Содержание

Что за книга без предисловия	5
Предисловие после предисловия	11
Глава 1. Знакомство с миром	13
Глава 2. Школьные годы чудесные...	22
Глава 3. Про огурцы и метеорит	30
Глава 4. Лоскуты	36
Самоволка	37
Маки для мамы	39
Красиво	41
Как я тонул	43
Международный скандал	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**В лабиринтах памяти
Студент – это
состояние души!
Евгений Александрович
Беляков**

© Евгений Александрович Беляков, 2016

ISBN 978-5-4483-5075-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Что за книга без предисловия

Иногда задаю себе вопрос – почему я начал писать? Лет десять-двенадцать тому назад, пребывая в многолетнем кризисе среднего возраста, я впервые почувствовал желание написать что-нибудь о себе. Возможно, причины этому таились в неудовлетворенных амбициях предыдущих лет, когда с наступлением кризиса (дефолта) девяносто восьмого года, как карточный домик рассыпались все мои иллюзии по поводу бизнеса, да чего греха таить, и всего моего будущего, когда, казалось, дефолт объявила мне сама жизнь. А может быть в чем-то другом.

Оказавшись в рядах жертв беспощадным ураганом прокатившегося по стране кризиса и убедившись в правоте поговорки «друзья познаются в беде», в поисках каких либо средств для существования, я примкнул к пропагандистам сетевого маркетинга. Закономерное знакомство с мотивирующей литературой, только подстегивало желание реванша, тем более что многочисленные авторы, среди которых такие монстры как Наполеон Хилл, Ог Мандино, Дипак Чопра, Джон Фогг и иже с ними в один голос твердили со страниц знаменитых книжек:

– Ты такой же, как и герои наших книг, бери и пиши.

Но о чем писать и как это делать, они, к сожалению, умалчивали, а сам процесс написания никоим образом не при-

нимал конкретных очертаний. Утратив иллюзии связанные с сетевым маркетингом (все-таки это не мой путь), я на долгие годы забыл и о книге.

Когда, чуть меньше года назад я лежал с обширным инфарктом в реанимации, вновь почувствовалось желание, если не писать в привычном смысле этого слова, то хотя бы получить некую аудиторию для общения. Тем более что ряд доступных до этого момента способов, с «новым» сердцем, остался для меня за гранью возможного. Покинув больницу, я начал понимать, что эти ограничения выставлены передо мной не только врачами, но и моими личными ощущениями, ресурсами «обновленного» организма.

Обретенная неполноценность в физическом смысле буквально приковала меня к компьютеру, незаметно, приближая еще одну амбициозную цель, появившуюся передо мной лет пять тому назад. Ею оказалось желание иметь свой собственный сайт в сети, чему препятствовало отсутствие каких либо знаний. Случайно попавшийся на глаза практический курс по построению блога, оказался прекрасным подспорьем в преодолении неприступной на первый взгляд преграды и я начал писать в свой первый интернет-ресурс. А может, это не было случайностью?

Не слишком заморачиваясь над тематикой, я повествовал о себе. Начал с детства, потом юность, школа.... Я просто выкладывал на «бумагу» собственные воспоминания, однако приступая к периоду, связанному с институтом, постепен-

но начал осознавать, что пишу не только о себе и своих друзьях, но самое главное, рассказываю о той эпохе, в которой довелось жить.

Возможно, мои строки окажутся мало интересны молодым, поколениям, выросшим в новой России, оно и понятно – это совершенно иные люди, рожденные и воспитанные в абсолютно другом мире. Но я не думаю, что они, имею в виду строки, не смогут тронуть представителей моего поколения, что им не удастся повлечь за собой череду их собственных воспоминаний.

По мере того, как росло количество страниц, как набухал килобайтами файл с рабочим названием «Биография и не только.doc», я потихоньку приходил к мысли, что пишу книгу, о которой так давно мечтал. Более того, практически ежедневно усаживаясь за компьютер, я осознавал, что уже не я управляю процессом, а скорее процесс написания управляет мной: моей памятью, моим настроением, моим свободным временем: фактически всей моей теперешней жизнью. И вот, спустя полгода с того момента, когда на экране монитора появились первые ее строки, книга готова.

Первоначально я думал описать всю свою жизнь, но постепенно пришел к мысли, что целесообразнее разбить его, в смысле описание, на несколько этапов. Коль скоро готова первая часть, логичнее будет ее привести в законченный вид и выпустить в свет, хотя и допускаю, что в дальнейшем книгу ждут редакции.

Эту книгу я посвящаю своим детям – сыновьям Денису и Александру. И вот почему. Случилось так в жизни, что они оказались заложниками амбиций взрослых людей. Возможно, подробно я все это опишу на страницах своей будущей книги, скорее всего так оно и будет. Можно сказать, не повезло, бывает и все можно списать на расхожую фразу – это жизнь. Но я хотел бы сосредоточить внимание на следующем.

Дело в том, что духовное наследие в семье может передаваться только по мужской линии: от отца сыну, от деда внуку. Поэтому я хотел бы, чтобы они не повторили моих ошибок. Так получилось, что мое основное общение с отцом происходило только в детстве. Далее следовали институт, работа, перестройка, строительство капитализма, семья, в общем я не находил времени, для того, чтобы время от времени взять и оказаться рядом с ним. Мы жили в разных городах, времени для частого общения выкроить не удавалось, да и мог ли я тогда подумать, что отец может вот так взять и умереть. А он ждал меня, ждал, но так и не дождался.

Отец ушел в девяносто пятом, когда я занимался построением собственного бизнеса, как тогда казалось собственного будущего. Даже на похороны его пришлось прилететь из Санкт-Петербурга, так как смерть отца застигла меня в командировке.

Отец

А через десять лет, столкнувшись с серьезными психологическими проблемами, мне самому пришлось выкарабкиваться из кризиса среднего возраста. И теперь уже мне требовалась духовная подпитка предков, но оказалось, слишком поздно, корни оборваны, а мама, еще живая к тому времени,

не могла передать того, в чем я нуждался – женщины не являются носителями этих ценностей.

Я неоднократно жалел о том, что в последние годы жизни отца не находил времени, чтобы уделить ему внимания, и только сейчас начинаю понимать, как он нуждался в том, чтобы я иногда посидел рядом, поговорил с ним. Не скрою, в общении с отцом, наконец, стал нуждаться я сам, но вернуть, что-либо возможности, увы, не представлялось.

Книгу я посвящаю сыновьям, потому, что хочу, чтобы начиная с меня эта нить – нить фамильной духовности, так глупо и опрометчиво разорванная мной, начала восстанавливаться в цепочке дальнейших поколений.

Эта книга обо мне и о моей жизни. В ней нет ни одного вымышленного события или героя, все описанные реальны и искренни. Я допускаю некоторые неточности в повествовании и, возможно кое-где, перепутаны участники, что в принципе по большому счету ничего не меняет. Меня в этом случае извиняет то, что прошло слишком много времени.

Книга искренняя как исповедь. Я очень ей признателен, что за последние полгода, снова «прожил» описанный период. Благодаря книге я перетряхнул свою память, слежавшуюся полуистлевшим хламом в глубинных запасниках головного мозга. Если бы не книга, воспоминания эти, наверняка, до конца дней моих остались не востребуемыми.

Предисловие после предисловия

Минуло шесть лет с тех пор, как я закончил работу над этой книгой. Конечно, глупо называть работой то, что приносит удовольствие, однако будем придерживаться устоявшихся формулировок, таких как «писательский труд», «творческая нива» и пр. Книга явилась моим первым «литературным» опытом, но чего я тогда, в две тысячи десятом, меньше всего мог ожидать, проза вдруг стала моим дополнительным ремеслом.

Последующие несколько лет я писал на заказ. Тексты любой тематики и объемов с каждым новым заказом оттачивали мое «перо». Постепенно совершенствовались познания в «великом и могучем» – столь быстрому обучению обязывали получаемые гонорары. Вот это и есть настоящая работа, но удовольствия, кроме материального удовлетворения она не приносит.

Иногда, особенно в сложных жизненных ситуациях или в моменты усталости я открываю книгу и с удовольствием ее перечитываю, душой возвращаясь в то безоблачное время, когда получалось все и вся, а беспечное осознание, что вся жизнь впереди не оставляло ни малейшего повода для уныния. Что удивительно – она помогает. Возможно «исцеляющий» эффект несет энергетика молодости, скрывающаяся между строк.

Сотни тысяч слов «коммерческих» текстов, а также не одна сотня статей на собственных сайтах значительно обогатили мои познания в русском языке. Поэтому каждое очередное прочтение книги подталкивало к желанию снова взяться за «перо» и устранить, резавшие глаз матереющего писаки, ошибки. Наконец-то я решился привести ее в порядок. В новой редакции будут добавлены воспоминания, не вошедшие в первую книгу, исправлены ошибки и, надеюсь, добавятся размышления.

Глава 1. Знакомство с миром

Маленький, ничем не привлекательный, южный провинциальный городок с романтическим названием Прохладный расположен на степной равнине в нескольких десятках километров от отрогов Большого Кавказского хребта. По одной из легенд своим именем он обязан измученной изнурительной поездкой на Кавказ Екатерине Великой, по другой графу Потемкину. Так это или иначе, но особа, нарекая поселение, ставшее впоследствии моим родным городом, оказалась очарована прохладой дубрав его окружающих, оказавшихся настоящим оазисом среди знойных степей.

Основной достопримечательностью Прохладного считалась узловая железнодорожная станция, разветвленная инфраструктура которой кормила тысячи горожан (вокзальных), компактно проживавших по обе стороны железнодорожного полотна в районе самой станции и железнодорожного вокзала. Среди них оказались и мой отец, работавший в локомотивном депо и мама – учительница начальных классов одной из двух железнодорожных школ. Нет, в этих школах не учили железнодорожному ремеслу, впрочем, почему они так назывались, меня абсолютно не интересовало.

Я (самый маленький) и моя семья

Младенческий возраст я преодолевал болезненным ребенком, а посему женскую часть моей семьи (маму, тетушку и бабушку) крайне заботило мое здоровье. Этому способствовало ряд причин: дед по отцовской линии болел туберкулезом, мама всю жизнь, сколько я ее помнил, принимала таблетки, а сам я непрерывно хворал простудными заболеваниями, особенно, когда меня отдали в ясли. Но разве мог я в полтора годика объяснить родителям, что меня сажали

во время тихого часа на горшок, босиком на голый кафель холодной туалетной комнаты. Ведь я тогда еще не разговаривал. А когда однажды, так и не дозвавшись занятой своими делами нянечки, во время тихого часа я обкакался, та в наказание обмывала меня водой из под крана, от чего было зябко и обидно.

Но больше всего моих опекунов по женской линии радовало, когда я хорошо кушал. Здорового тела должно быть много. Особенно румяньенькие щечки и пухленькая попка возбуждали мою тетушку, у которой эстрогены бурлили в крови, выталкивая наружу материнский инстинкт, а своих детей к тому времени еще не родила. Кстати, именно ей я обязан именем Женья.

Отец, наоборот, любыми путями пытался вырвать меня из-под женской опеки, культивировавшей в неустойчивой детской психике комплексы неполноценности и внутренние противоречия. Тетушка хотела, чтобы я обладал розовыми щечками и пухленькой попкой, я же просто нуждался в широких плечах и мускулистых руках. Не думаю, что отец выступал сторонником моих голодовок, просто вопросы сыновнего аппетита не вызывали у него аналогичных эмоций, более важным для нас обоих он считал передать мне иные жизненные навыки, нежели аппетит и любовь к теплой одежде.

Частые рыбалки, походы в лес за грибами или просто многочасовые пешие прогулки для нас с отцом превратились в ритуалы выходного дня. Причем капризы погоды не играли

при этом никакой роли. Это давало закалку моему подрастающему организму, хотя постоянно конфликтовало с материнским стремлением создать мне тепличные условия.

Та сфера моей жизни, которая не попадала под неусыпный контроль родителей (друзья детства, улица), так же ориентировались на воспитание моих мужских качеств. В результате чего к шести-семи годам я уже поймал свою первую рыбу и нашел первый гриб, умел разжигать костер и лазать по деревьям, плавать и ездить на взрослом велосипеде «через раму».

Пробовал я с другом детства Сашкой курить окурки, но, несмотря на то, что занятие это, безусловно, существенно взросло пацанов, большого восторга не вызывало. А еще в детском садике, во время дневного тихого часа, мы обменивались с девочками из нашей группы информацией об анатомических особенностях наших тел, причем в своих действиях мы не видели никаких развратных признаков. Исключительно в познавательных целях.

Вообще в ту пору мне хотелось проводить больше времени в обществе сверстников, где я мог стать и становился таким как все, хотя моя мама стремилась развить во мне черты индивидуальности, заставляя читать книжки. Меня звали друзья с улицы, в то время как я должен был прочесть еще три (!) страницы текста. Схитрить не всегда удавалось, поскольку для возможности контроля, читать приходилось вслух.

Врачей я невзлюбил с детства, поскольку человек в белом халате, скрываясь за наигранной улыбкой и показной приветливостью, в конечном итоге давал мне боль, либо ее ожидание. Когда эскулапы в сговоре с родителями решили меня в пятилетнем возрасте раз и навсегда избавить от ангины, врач иезуитским способом, попросил показать ему горлышко, но «а-а-а-а...» произнести я не успел, рот внезапно наполнился его инструментом и тот молниеносным разящим движением удалил одну glandy. Однако мне все же удалось спасти вторую, намертво сомкнув зубы. Испытывая невероятную боль, плакал я, молча, чтобы не открывать рта.

Второй меня лишили таким же обманным путем через полгода. Сначала хирург тихой сапой пробрался ко мне в рот, под предлогом что-то там посмотреть, а когда, совершив фатальную ошибку, я зажмурился, он нанес мне коварный укол, местной анестезии прямо в область обреченной glandy. Спустя пару минут он надменно заявил мне, что glanda моя распухает и, если я не предоставлю возможности ее удалить, то умру от удушья. Деревенеющая от укола полость рта, красноречиво вторила его обещаниям. Что осталось делать, я открыл рот и зажмурил глаза: во рту посолонело от крови и слез – таким оказался вкус обиды...

Вообще в детстве мне часто приходилось сталкиваться с обманом. Ежедневно из радио лилась ложь. Я не вдавался в подробности самих новостей, они меня не интересовали, но каждый день, при фразе диктора «последние новости»,

я наивно полагал, что слышу эту передачу последний раз. И каково оказывалось мое чувство разочарования, когда эти два слова повторялась на следующий день снова и снова.

Со старшим братом

Кроме отца, мужчину в моем хиллом тельце воспитывал

и старший брат. Он перепробовал, казалось, все виды спорта, а когда очередной выбор пал на бокс, Сергей принес домой две пары перчаток. Разница в возрасте (ему четырнадцать – мне восемь), нам помехой не казалась. Брат привязывал мне на руки перчатки, ставил перед диваном, чтобы не больно получалось падать, и мы занимались боксом. К моей великой радости, продолжалось это не долго. Стремительно развивая спортивную карьеру, однажды он оказался битым на ринге каких-то соревнований. На этом пристрастие к спортивному мордобою оставило брата в покое, а я расстался с перспективной ролью боксерской груши.

Правда на этом его интерес к моему спортивному развитию не иссяк и на одной из школьных перемен брат устроил мне смотрины с будущим тренером по баскетболу. Таким образом, перед уходом в армию, ему удалось пристроить меня в этот «лошадиный» вид спорта – что называется «чтоб жизнь медом не казалась». Отрабатывая чувства братского долга, я несколько месяцев регулярно посещал изнурительные тренировки, пока не вывихнул в борьбе с одноклассником руку. Это предоставило мне формальный повод расстаться с баскетболом.

Оказавшись в очередном отпуске на Родине, брат попытался реабилитировать меня в самом гармоничном на его взгляд виде спорта. Мне пришлось еще несколько месяцев доказывать себе что дух и тело могут найти компромисс только в тяжких испытаниях, пока посланная «небесами»

очередная болячка не освободила меня от обязательств перед ним. На этот раз я расстался с большим спортом навсегда!

Все-таки наше детство, в отличие от нынешнего подрастающего поколения, трудно обвинить в недостатке духовности. В те далекие годы мы играли в основном в войну, от которой нас отделяли всего лишь два десятка лет. Еще жили среди нас ее свидетели, с экранов смотрели зачастую невымышленные герои и мы росли в атмосфере высокопатриотических идей.

Я предпочитал роль партизана – положительные герои всегда в чести. И сейчас, спустя почти полвека, перед глазами всплывает яркий эпизод детства.

Пленного, меня пытали сверстники, которым досталась роль фашистов. Но даже перед угрозой смерти я не выдал, ни расположения партизанского отряда, ни численности его бойцов, разумеется, тем самым подписав себе смертный приговор. Сделали игрушечную петлю, понарошку привязали ее на суку яблони, понарошку я стал на табурет и продел голову в удавку. Понарошку произнес патриотическую речь несломленного партизана, а мои мучители пафосный фашистский приговор. И... табурет с грохотом отлетел в сторону.

Дальше все происходило по-настоящему..., веревка оказалась прочной, а сук толстый. Я успел продеть руки в петлю, но ногами до земли не дотягивался... Все-таки участники казни успели справиться с шоком и остановили игру. Взрос-

лым мы о своих забавах не рассказывали.

В какие игры сейчас играют дети?

В общем, детство у меня оказалось насыщенным, но тяжелым. Я с надеждой ждал, что вот-вот пойду в школу, где все сложится иначе.

Глава 2. Школьные годы чудесные...

Школа. Для большинства из нас со словом этим связаны лучшие воспоминания жизни. В этом нет ничего удивительного, поскольку на десятилетний период пребывания в ней приходится максимум становления, начиная от формирования тела ученика и заканчивая его интеллектом. Именно эти десять лет выделены природой на прохождение школьником пути от ребенка до практически взрослого человека.

Мой класс

Вопреки надеждам желающего быстрее подрасти дошколенка, в школе оказалось не легче. Как я уже обмолвился раньше, мама работала учительницей, а теперь читатель, постарайся угадать, в какую школу я попал? Именно в нее....

Как средство общения педагогов с родителями, школьный дневник для меня оказался пустой формальностью, так как весь процесс обучения был абсолютно прозрачен для моих родителей. Любые мои похождения докладывались маме ее коллегами в тот же день, а уже она ставила в известность отца. Одно радовало, не требовалось в нем фальсифицировать никаких записей, все мои «достижения» тут же передавались в устной форме.

Первые пять лет обучения, из меня пытались изваять примерно ученика. Однако очень скоро я осознал, что оказавшись школьником, хотя и становлюсь более взрослым, но цена, которую приходится за это платить, явно завышена. Я постоянно слышал, что мне не хватает чувства ответственности, что такому взрослому мальчику следует выглядеть серьезнее и лучше учиться. На самом деле мне прививали очередную иллюзию, подменяя стремление к самостоятельности гипертрофированным чувством ответственности.

Передо мной распростерла врата очередная ловушка. Вдруг мне показалось, что октябрята значительно старше и солиднее обычных первоклашек, но приняв сан октябрен-

ка, я почувствовал, как навалился еще и идеологический груз. Приходилось уже учить не только таблицу умножения, но стихи и песни про дедушку Ленина, который на значке почему-то изображен кучерявым, белобрысым пацаном, как две капли воды похожим на «вождя краснокожих» из популярного в те годы кинофильма «Деловые люди» по новеллам О'Генри.

Тогда я не мог понять, что физиологическое стремление к взрослости, как к более совершенному состоянию, просто вело в идеологическую западню будущего строителя коммунизма. Так я попал в следующий капкан – пионерию. Идеологической нагрузки прибавилась. Форма, сборы, смотры, речёвки – только сейчас начинаешь понимать, насколько совершенна была машина по производству этих самых «строителей».

Тем не менее, природа брала свое и все мы, пионеры – мальчики и девочки, задорно, строим и с речёвками входили в пубертатный период. Все чаще пионерский галстук находил себе место не на шее, а в кармане брюк. На переменках мы бегали за одноклассницами и, настигнув очередную жертву, радостно хватали руками, начинающие наливаясь соком, сиськи. Они пищали, и неохотно разбегались. Подобные действия не носили никакого ярко выраженного сексуального оттенка в наших стремлениях, однако, по мнению учителей, они абсолютно не соответствовали облику советского пионера, вне зависимости от того, где у него в этот мо-

мент пребывал галстук на шее или в штанах.

В конечном итоге точка зрения педагогов могла бы привести к деформации психики подростка и развитию комплексов неполноценности на сексуальной почве, если бы не поддержка моего отца. Однажды вечером, за домашним столом, слышу голос матери-учительницы (привожу дословно, фраза запомнилась на всю жизнь):

– Ты знаешь отец, наш сын стал совсем взрослым, – заподозрив неладное, я перестал жевать и, после театральной паузы продолжила, – он девчонок за сиськи дергает.

Медленно, с набитым ртом, останавливая жевательные движения и вжимаясь в стул, я поднял глаза на отца. Но в его взгляде я не увидел никакого осуждения, скорее наоборот мужскую солидарность, с оттенком удивления, он хмыкнул и молча, продолжал ужинать. Невероятными усилиями мне удалось скрыть свое внутреннее ликование – мы их сделали (!), весь этот педсовет. Моя будущая сексуальность спасена!

Вообще с «этим делом» в школе обстояло неблагополучно. Современной молодежи этого понять невозможно. Только представьте: нет интернета с его обилием порносайтов; нет порножурналов и порнофильмов на DVD; нет сотовых телефонов и соответственно обмена видеороликами не детского содержания; нет молодежных телеканалов (этих стимуляторов половых гормонов) и фильмов, в которых отсутствует грань между эротикой и порно; нет «Дома 2» и пр.

Расхожая, в те времена, фраза – «У нас секса нет» имела

под собой вполне реальный фундамент. Информацию «про это» приходилось собирать буквально по крупицам, как правило, из уст таких же дилетантов, как и сам. Естественно она получалась искаженной, так как большинство исследователей, недостаток достоверности компенсировало личными гипотетическими домыслами. Однако в целом давала понять, что есть еще не раскрытые тайны природы, наголову разрушающие мифы об аистах и капусте.

Итак, на пороге пубертатного периода, с задавленной педагогическим советом расширенного состава (и в школе и дома, в подавляющем своем большинстве женщинами) в зачаточном состоянии сексуальностью, я просто потерял гармонию в развитии и, как следствие, интерес к учебе. Полностью упустил базовые моменты понимания математики и физики, да и к другим предметам интерес совершенно пропал. В результате в первой половине восьмого класса я превратился в твердого двоечника по физике, математике и английскому языку, по прочим предметам еще оставлял учителям крупинцы надежды.

Мама с отцом неоднократно пытались нацелить меня на повышение успеваемости, назидательно внушая, что с такими знаниями я могу и не мечтать об институте, правда угроза эта совершенно не мотивировала, поскольку я итак о нем не мечтал. Неожиданно мотив все-таки нашелся. Как-то мама обронила фразу, что такими оценками могут гордиться только посредственности.

В ту пору применялась совершенно другая шкала ценностей, и мы не понимали, что гнобленный двоечник иногда представлял собой такую же личность, как и отличник, а зачастую и более яркую. А так как я себя уже считал посредственностью в физическом и в половом развитии, то оказаться таковым еще и в сфере образования – это уже казалось лишним.

Постепенно я начал реабилитировать себя в глазах окружающих. К концу восьмого полностью избавился от троек и начал преуспевать, особенно в тех дисциплинах, в которых прослыл двоечником полгода назад. В последующих классах, я посещал олимпиады по физике и математике собиравших лучшие юношеские умы от Ростова до Махачкалы, и с нескрываемой гордостью, завоевывал первые места, среди железнодорожных школ Северо-Кавказской железной дороги.

Думаю, такой прогресс возник не случайно. Физику преподавал пожилой мужчина, а математичка – молодая незамужняя женщина, благодаря повышенному содержанию тестостерона в крови, манерой поведения скорее напоминала мужика.

Я, наконец, вырвался из-под влияния женского педсовета. Учеба давалась легко, что повышало самооценку и придавало уверенности в себе. Соседкой по парте вдруг оказалась Галка – самая половозрелая одноклассница с шикарными сиськами и попкой. Она хоть и преследовала свои мер-

кантильные интересы, постоянно списывая у меня практически по всем предметам, тем не менее, щедро одаривала своими знаками внимания, позволяя мечтать о том, что по окончании школы, мы вдвоем рванем на БАМ, вместе с дорогой строить свое будущее. Не помню причины, побудившей эту мечту, возможно, она явилась продуктом доминирующей в то время идеологии, но скорее всего, порождением подавленной на тот момент сексуальности.

Учитывая, что молодежные организации, куда автоматом принимали в начальных классах, никоим образом не вдохновляли на продолжение политической карьеры, даже став отличником, я не принял поста старосты класса, на который меня пытались водворить одноклассники и всячески пытался отлынить от попыток затащить меня в комсомол. Но с приближением выпуска, будущему студенту предстояло ехать куда-то поступать, поэтому пришлось только из карьерных соображений, на последнем месяце учебы в школе, среди зубрящих Устав ВЛКСМ кандидатов из младших классов.... В общем, все это понимали и меня зачислили в комсомольцы.

К окончанию школы сколь либо определенных целей дальнейшего продолжения обучения я не испытывал. Отец настаивал на ростовском железнодорожном, но перспектива создания трудовой династии меня не привлекала. Поэтому когда Вовка, мой школьный друг, предложил ехать в Таганрогский радиотехнический институт, я без колебаний соста-

вил ему компанию и легко, без напрягов, поступил.

Глава 3. Про огурцы и метеорит

Девятый класс советской школы. Отличительной особенностью его от соседних восьмого и десятого, которые в те времена считались выпускными, являлось закономерное отсутствие экзаменов по окончании учебного года. Впереди ждало безалаберное лето, слегка омраченное непродолжительной «обязаловкой» типа практики (работой ради работы). Как правило, нас ждала уборка и без того чистого школьного двора, либо перетаскивание с места на место школьной мебели.

Летние практики имели место быть во всех учебных заведениях, в том числе и ВУЗах, постепенно трансформируясь в учебные, производственные и пр. Основной целью данного этапа обучения считалось приучить будущего специалиста к простой мысли: будь ты хоть семь пядей во лбу – работать руками все равно придется.

По окончании принудительных работ во благо общества, невольно возник вопрос – чем заняться дальше? Бесцельно болтаться уже не представляло интереса, привычные с детства развлечения надоели, поэтому предложение Вовки Заворотнева пойти поработать не только решало проблему досуга, но и вселяло надежду обзавестись личными деньгами. Мать одного из нашей школьной компании, по-моему, это был Юра Сидоренко (ныне гражданин Украины, ходит судо-

вым механиком, по всему миру), работала на овощной базе, она то и устроила нас на полтора месяца грузчиками.

В обязанности «вольнораемных» входило мотаться по полям Прохладненского района, загружать собранный урожай фруктов и овощей на машину и развозить их по овощным магазинам, либо свозить все на базу. Как правило, за день удавалось сделать один-два рейса.

«Экипаж» грузовика состоял из водителя, однорукого экспедитора и нас с Вовой. Экспедитор – боевой, не старый еще, шустрый мужичок, без одной руки, компенсировал свой физический недостаток изощренностью ума, что позволяло ему зарабатывать неплохие деньги, даже в сравнении с теми, у кого конечности присутствовали в полном комплекте. Продавцы овощных магазинов, в основном толстые, пожилые женщины, как правило, уже обремененные семьями, охотно покупались на этот его недостаток и, как следствие, легко шли на преступный, с точки зрения ОБХСС, сговор.

Одним из источников дополнительного заработка в торговле, наряду с обсчетом и обвесом, испокон веков считалось наличие «левого» (неучтенного) товара. «Левак» кормил все звенья логистической цепочки, начиная от производителя товара и заканчивая розничным продавцом, тем самым превращая дополнительный заработок каждого из них в основную.

Для того чтобы мы с водителем и экспедитором мог-

ли заработать сами и дать заработать этим толстым теткам из овощных лавок, нам следовало подсуетиться, чтобы в кузове каждой машины чудесным образом появлялись лишние сто пятьдесят-двести килограмм овощей, а вот они то, как раз и появлялись благодаря нашему с Вовочкой участию. Схема удивляла своей простотой. Наш с Вовой вес в сумме составлял как раз полтора ста килограммов. При въезде на поле машину требовалось взвешивать, поэтому весовую мы с Вовой проезжали в кузове, лежа у борта, обратно мимо весов, проходили пешком, а вместо нас в кузове лежали полтора центнера наших, скажем, огурцов, это выглядело так же просто, как закон Архимеда.

Далее в ход шла простая арифметика: огурцы в магазине стоили копеек двенадцать за килограмм, продавец у нас их принимала по восемь. Заработок нашего экипажа составлял двенадцать рублей, которые делились между всеми участниками. И хотя при разделе учитывалось все, в том числе и наш с Вовой возраст, что, безусловно, приводило к различным оценкам «коэффициента участия» каждого, тем не менее, мы с напарником в среднем по два-три рубля «на нос» ежедневно имели, а это составляло зарплату, например, учителя.

Иногда нас «вычисляли» и грузчикам приходилось ходить мимо весовой в обоих направлениях, поэтому перед посещением колхозов с такими весовщиками, «экипажу» приходилось заезжать на городскую свалку и грузить в кузов требуемое количество строительного мусора, а потом после весо-

вой вываливать его на поле. Победители олимпиад, физику мы знали на отлично и «закон сохранения» сомнений не вызывал: чтобы с поля, что-нибудь увезти, надо на поле что-нибудь привезти.

С некоторыми весовщиками действовала простая договоренность, и они за два-три рубля просто приписывали необходимое количество веса к таре, это значительно упрощало процедуру появления левого товара. А что оставалось делать – при социалистической системе хозяйствования все считалось народным, а значит ничьим, поэтому каждый советский человек старался обрести хотя бы и малую, но причастность к тому, что «плохо лежит».

На поле мы стремились попасть в обеденное время, как правило, это гарантировало, что на полевом стане дородные и гостеприимные поварихи мальчишек обязательно покормят нахалюву, в результате чувство нашего удовлетворения достигало немыслимых глубин.

Однажды, появившись на поле слишком рано, мы с Вовой убивали время в ожидании, когда селяне соберут необходимую нам часть урожая. В оросительной системе – паутине небольших каналов на поле, в которых еще ночью плескалась вода для полива, Вова обнаружил рыбу. Нас ждали усачи и голавли, полусонно стоявшие в небольших лужицах и ожидавшие смерти от стремительно поднимавшегося к зениту июльского солнца. Через полчаса мы стояли с ведром из под раствора медного купороса, полным свежей живой

речной рыбы. Неожиданный улов мы продали продавщице овощной палатки за пять рублей.

Полтора месяца здорового физического труда на свежем воздухе привели наши взрослеющие организмы к внешне-му возмужанию, добавили самооценки и уверенности в себе. Кроме того, заработанная мною приличная сумма денег позволила собраться и поехать на две недели в Ленинград.

Я оказался в одном купе с пожилым азербайджанцем из Баку, везшим свою дочь поступать в институт. Его удивляло, как я, совсем молодой, еду один без родителей так далеко. Он сетовал, что у них не принято отпускать детей одних, тем более на такие расстояния от дома. Мне же не виделось ничего странного в том, что я в свои шестнадцать с половиной еду один без родителей в Ленинград. Тем более что минувшей осенью, в неполные шестнадцать, я также самостоятельно провел неделю в Баку. Видимо у меня уже тогда рождались задатки путешественника, так и не развившиеся в страсть.

Чужие города у меня никогда не вызывали страха, а так как в десятилетнем возрасте я уже посещал с мамой Ленинград, то незнакомым он мне вовсе не казался. Видимо тогда и родилась любовь к этому городу, городу в котором я, впоследствии, бывал не один десяток раз, городу, который, несмотря на то, что сменил свое название, продолжает меня манить и сейчас, правда визит в него с годами становится все более несбыточной мечтой.

В программу моей поездки входил стандартный набор ленинградских (питерских) развлечений, музеи города и пригородов: Петергоф, Исакий, Эрмитаж, Петропавловка и пр. Однако запомнившимся на всю жизнь оказался поход с мужем подруги мамы, у которых я останавливался, в один из пригородных лесов за грибами. Примечательным он оказался, нет, не грибами, а тем, что я нашел метеорит.

Ржавый, железный, оплавленный камень почти правильной круглой формы, килограмма два с половиной веса, лежал в лесу на покрытой дерном земле. Первоначально я предположил, что это могло быть ядро времен петровских войн, но тут же «отмел» данную версию. Два с половиной столетия вряд ли позволили ему пролежать на поверхности, тем более что под ним росла трава, хотя и желтая, обедненная хлорофиллом, но, тем не менее, трава. Все это свидетельствовало о том, что находится он здесь сравнительно недавно.

Половину дня я проносил его в корзине и перед тем как уйти из леса я метеорит... выкинул. Невольно вспоминается сказка «про курочку-Рябу».

Моя тогдашняя самостоятельная поездка в Ленинград, резко подняла, как сейчас говорят, рейтинг в глазах одноклассников.

Глава 4. Лоскуты

Именно такими запомнились самодельные коврики, которые шили мои бабушки в те далекие годы моего детства, примерно полвека тому назад. Бесхитростные украшения имели практическое применение в качестве прикроватных ковриков или утеплительных подстилок на стулья, скамейки, в простонародье называемые «сидушками». Представляли они собой коврик из куска однородной ткани, на который нашивался узор из разноцветных лоскутов: обрезков шитья, кусков разных тряпок, остатков старой одежды, в общем, всего того, что давно следует выкинуть, но жалко.

Нечто подобное представляют собой воспоминания детства и юности, которые состоят из обрывков памяти, иногда ярких, иногда курьезных. Возможно, для многих они, как и те кусочки ткани ничего ценного не представляют – информационный хлам, рвань, который давно следует выбросить, но для меня они определенная ценность, словно те тряпки, нашитые на кусок полотна моей бабушкой.

Попробую собрать эти «лоскуты» и сшить такой «коврик». Это глава состоит из обрывков моей памяти, никак не связанных между собой логически, воспоминаний детства, а так как оно все-таки состоялось – мое детство, то и они имеют право на существование.

Самоволка

Дети существа необычайно любопытные. Не отягощенные багажом условностей и ограничений, зачастую именуемых жизненным опытом, в своих исследовательских стремлениях они заходят слишком далеко, порою пренебрегая осторожностью. Особенно если выпадают из под строгого родительского контроля.

Однажды, в возрасте четырех-пяти лет, в конце дня мама забрала меня из садика, и мы отправились по направлению к дому. Хотя я и был довольно самостоятельным, но по ее искреннему убеждению постоянно нуждался в опеке. По дороге мама разговорилась со встретившейся ей знакомой, как сейчас принято говорить – сцепились языками. Я же, не сильно заинтересованный их беседой, с безучастным взглядом плелся вслед за ними.

Не перестали они разговаривать, подойдя к нашему дому и я, изнывая от скуки, выписывал круги, ожидая, когда же собеседницы расстанутся. Беседа все не кончалась, когда мне надоело слоняться между ними, я стал потихоньку увеличивать радиус своих блужданий.

Так, не заметно для себя добрался до старого русла реки, которое протекало метров в двухстах от дома и представляло собой небольшой перекат глубиной сантиметров десять. Дело происходило летом, я забрел в реку и, как сейчас пом-

ню, от постоянного смотрения на воду у меня кружилась голова. Не удержав равновесия, я упал и намочил в воде штанишки. Понимая всю степень опасности сложившейся ситуации и неотвратимость наказания за мокрые штаны, я их снял и стал выжимать. Кроме того, изрядно замерз. В таком виде меня мама и застала на середине реки. Я обрадовался, но быстро осознал, что напрасно.

Увидев меня, она испытала смешанные чувства: страх исчезновения ребенка сменился радостью, радость быстро переросла в строгость, а та незамедлительно трансформировалась в гнев и, будучи педагогом, она быстро сориентировалась, выломав в ближайших кустах хворостину. Так в непрерывном контакте с импровизированными «розгами» я и добежал до самого дома. Как потом спустя много лет мама мне призналась, она сильно перепугалась, что я простыну. Думаю, что сечение хворостиной всю дорогу спасло меня от переохлаждения.

Вот так иногда женщины бывают увлечены разговором.

Маки для мамы

Мама – самый дорогой человек в жизни каждого из нас. Подарившая жизнь, бескорыстно жертвуя всем, что имеет, она готова отдать своим детям всю себя без остатка. Как больно и обидно, что понимать это мы начинаем только после того когда мама уходит. Невольно начинаешь вспоминать о не отданных долгах, недостаточно щедром внимании при ее жизни и сожалеть, сожалеть, сожалеть....

Цветы я своей маме дарил редко. Лесные первоцветы, подснежники, фиалки, ландыши. Скоротечная южная весна не позволяла это делать часто, а сирень росла под окнами нашего дома, и дарить ее казалось как то не с руки.

Окончив школу, я навсегда покинул родительский дом, но когда навещался, по возможности старался подарить букетик роз, тюльпанов, гладиолусов или пионов, хотя удавалось это не всегда, в провинциальном городке нет цветочных салонов. Однако самый первый букет – подарок маме, я запомнил на всю жизнь.

К тому времени мне исполнилось лет пять или шесть. Скорее всего, мы с отцом возвращались с рыбалки или просто катались на велосипеде. Солнечный, слегка ветреный день радовал красками конца весны – начала лета. В сочно-зеленой, еще не успевшей стореть под знойным летним солнцем траве, алыми каплями крови красовались маки.

У меня возникло непреодолимое желание нарвать этих прекрасных цветов маме, и я попросил отца остановиться. Сломив недолгое сопротивление его возражений, я опустился на землю и, не замечая отцовской улыбки, нарвал большой, на мой взгляд, букет. От безоблачного настроения я, казалось, светился счастьем. Сидя в самодельном сиденье, закрепленном на передней части рамы, я одной рукой крепко вцепился в руль, а другой гордо держал букет цветов.

Я вез своей маме маки!

Тревога появилась через несколько минут, с первым оторвавшимся лепестком. Дальше они начали сыпаться один за другим, унося с собой остатки солнечного настроения. На глазах появились слезы.

Дорога к дому оказалась не долгой, и уже через полчаса с мокрыми от слез глазами и виновато потупив взор, я протягивал маме пучок зеленых стеблей с маленькими головками на концах. Мне казалось невероятно горьким и обидным, что я не смог сохранить красоту, поделиться ею с самым дорогим человеком. Она взяла мой подарок и поблагодарила.

Мама улыбалась!

Красиво

Телевизор у нас появился одним из первых на улице. Он оказался моим ровесником и поэтому насколько я помню себя, настолько и телевизор. Один из первых «Рекордов», разумеется, черно-белый в большом фанерном ящике, правда, уже без линзы мне пришлось досматривать даже в институте. И хотя в те времена мы не могли и предполагать, что со временем появятся цветное телевидение, техническая мысль советской радиопромышленности не стояла на месте, а семимильными шагами следовала к прогрессу. Видимо поэтому, как промежуточный этап, свету явилось телевидение разноцветное.

Однажды отец принес домой небольшой рулончик целлулоидной пленки, которую, как он сказал, ему привезли на заказ. Трехцветная пленка, сверху вниз – синяя, желтая и зеленая размерами как раз подходила к экрану телевизора. Возможно, прогрессивная мысль конструктора полагала, что в случае, если по телевизору вдруг покажут пейзаж, где в указанном направлении будут расположены безоблачное небо, солнечный день и зеленая трава, этот сюжет автоматически будет транслироваться в цветном изображении. Мама сразу подвергла жесткой критике эту «телеприставку», на что отец возразил, что она ничего не понимает, а с пленкой будет красиво.

Однако когда он установил «приспособление» на телевизор, мы увидели странного цвета дикторов – желтолицых, с синими волосами, одетых во все зеленое. Посмотрев несколько дней на разноцветный экран, и так и не дождавшись желанного сюжета, где и небо, и солнечный день и трава совпадут по цвету с комбинацией на пленке, отец снял ее и выкинул, безжалостно расставшись с красотой.

Как я тонул

Гидрофобия. Эта разновидность страха присуща многим людям, особенно в детстве. Большинству с годами удается побороть этот недуг, но некоторые хранят свой страх перед водой всю жизнь. Как сейчас помню: я на озере с родителями. Стою по горло в теплой воде, а легкое ее движение, которое и волнением не назовешь, так и тянет хиленькое тельце на глубину. Резким движением рук отталкиваюсь от манящей опасности и, преодолевая сопротивление воды, в ужасе несусь к берегу.

Тонуть мне в своей жизни доводилось дважды. Первый случай вообще «мутный», так как я с полной уверенностью не могу сказать случилось ли это со мной на самом деле, сколько я ни спрашивал свою маму, так как дело было в детстве, она ничего по этому поводу не знала. Тем не менее, воспоминание очень яркое, хотя не думаю, что это результат синтеза подсознанием, типа дежавю. А выглядело это так.

Я, лет трех-четырёх от роду, иду в составе детсадовской группы по берегу реки и неожиданно падаю в воду. Она смыкается у меня над головой, и я начинаю захлебываться. Чья-то рука, скорее воспитательницы, быстро вытаскивает меня за одежду или за волосы на поверхность. Вот и все коротко, но очень ярко, а главное не знаю – случилось ли это на самом деле. Что об этом случае моим родителям воспитатели мог-

ли и не доложить, в принципе тоже имеет свое объяснение.

Второй случай произошел несколько позже, когда мне исполнилось лет семь. К тому времени я уже владел, какими-то навыками плавания, уверенно держался на спокойной воде, но зачастую, оказавшись перед выбором плыть или не плыть, придерживался второго решения.

В горах прошли ливни и Малка, река на которой я вырос, значительную часть года не представлявшая никакой опасности, вспучилась и наполнилась мутной темно-коричневой водой. В один из дней пацаны принесли известие, что снесло мост, и мы, стараясь не пропустить столь знаменательное для маленького городка событие, дружно помчались смотреть на то, что от него осталось.

Выше по течению бурные потоки подмыли берега и упавшее в воду огромное дерево, увлекаемое стремительным течением, протаранило мост. Хилые опоры не выдержали и он, цепляясь за наш берег, развернулся на сорок пять градусов.

Сгрудившись на том, что осталось от переправы, мы смотрели, как грязное течение несло всяческий мусор. Под мостом и в обычное время глубоко, а сейчас, когда уровень воды в реке поднялся в несколько раз, это место представляло собой один сплошной омут. Взрослые пацаны, опираясь на накаченные автомобильные камеры – наиболее распространенное в годы нашего детства плавсредство, никак не решались лезть в такую пучину.

Как ни странно нарушить всеобщее оцепенение, помимо

желания, довелось мне. Какой-то смельчак, набрался храбрости и... столкнул меня в воду. Я исчез в омуте. Интуитивно барахтаясь изо всех сил, я, все-таки, всплыл на поверхность и вздохнул воздуха, дальше, не переставая бороться за жизнь, стал делать попытки выбраться из водоворотов под мостом, непрерывно пытавшихся утащить меня под воду.

Оценивая мое положение, мальчишки постарше, бросили тяжелый резиновый мяч, которому по единодушному мнению предстояло добавить мне не плавучести. Точный бросок, безусловно, пришелся бы мне на пользу, но этот оказался прицельным и попал мне прямо в голову, «забив» под воду, как гвоздь ударом молотка.

Интуитивно цепляясь за жизнь, мне все же удалось выбраться из омута на течение, а уже оно, подхватив как щепку, быстро вынесло на пережат ниже моста, где русло реки расширялось, и глубина становилась меньше.

После того случая я уже никогда не боялся рек.

Международный скандал

Детство – закономерный этап практически ежедневных исследований и открытий в жизни каждого человека. Следует отметить, что недалеко от моего дома, в радиусе примерно километра находились лес и река, как магнитом притягивал большой, неизведанный пустырь. Разумеется, значительная часть этих достопримечательностей уже подверглась моему тщательному исследованию, однако оставалось еще множество потаенных уголков.

Мои родители в ту пору дружили с семьей корейцев, глава которой работал завучем в школе, к счастью не в той, где учился я, а его жена врачом в поликлинике. Иногда они встречались за общим столом по праздникам, что для меня абсолютно не представляло интереса. Мне тогда исполнилось лет восемь-девять, а по сему, статус обязывал присутствовать на подобных торжествах. Восторга по поводу очередного похода в гости я не испытывал, поскольку «похватав» чего-нибудь с праздничного стола, на правах старшего мне приходилось опекать и развлекать их дочь, пяти-шести лет отроду.

В тот день стояла теплая и сухая погода, скорее праздновали майские праздники или августовский день железнодорожника. Мне изрядно надоело ковыряться в игрушках подопечной и, предварительно испросив разрешения старших,

мы подались на улицу. Их дом находился в радиусе того же километра и я естественно повел ее туда, где было интереснее мне, а именно на недостаточно изведанный участок пустыря.

Внимание мальчишки привлекало заболоченное искусственным путем место, которое образовывалось путем сброса сточных вод из находившейся невдалеке старой скотобойни. Я уже не помню, из каких источников пришла ко мне эта информация, возможно от отца, но не трудно догадаться, куда нас понесло.

Путь юных путешественников преграждала канава, через которую лежала доска, являющаяся логическим продолжением тропинки по маршруту нашей «экспедиции». Заполненная до краев, траншея сверху была покрыта толстой, засохшей на жаре серо-коричневой коркой грязи, потрескавшейся под жарким солнцем и напоминавшей киношный штамп, высохших пустынных водоемов, олицетворяющих жажду.

Интуитивно я остановился и попробовал носком ноги надежность доски. Та заколыхалась, давая понять, что опор не имеет, а просто плавает в заскорузлой на солнце грязи. Я это понял, а моя малолетняя попутчица нет. Предупредить ее я не успел, да она и не спрашивала, ловким маневром обогнула меня и шагнула на доску.

В одно мгновение девочка исчезла с головой, оставив на месте переправы и пустынного пейзажа поверхности ка-

навы «полынью» черной зловонной жижи. Через доли секунды она вынырнула, и я принялся ее спасать, тем более что края канавы позволяли, просто протянув руку вытащить беднягу на берег.

От испуга и удивления она даже не плакала, только белки карих глаз, изредка моргая, резко выделялись на черном лице. Отплевываясь, она послушно быстро шла за мной. Брезгливо размышляя о том, что чертовски вымазался, когда вытаскивал ее из грязи, я старался меньше на нее смотреть, напряженно соображая на ходу, что бы такое придумать, чтобы меньше ругали. Сама же моя попутчица представляла собой нечто маленькое, черное, зловонное, пугающее встречных прохожих, которые в борьбе отвращения с любопытством, иногда пытались о чем-то с нами заговорить.

Заплакала девчонка только тогда, когда ее мать открыла нам дверь..., застолье оказалось испорченным. Виновным в происшедшем все единодушно признали меня, хотя я понимал, что подобный вердикт, по меньшей мере, несправедлив, ведь кто, как не я спас несчастную.

После этого случая, мои родители перестали общаться со своими друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.